

Но тебя, вероятно, это будет мало трогать». Я повернулся и ушел. Он что-то мне крикнул, но что, я уже не разобрал, вышел, прошел мимо тех, кто сидел в первой комнате. Они, видимо, часть нашего разговора слышали, потому что я неплотно закрыл дверь, когда зашел в его кабинетик. Они смотрели на меня так, как посмотрели бы на инопланетянина, но тогда о них ничего не знали.

Вот это первый человек, который биологически не очень постарел, а социально из человека, который готов был что-то создавать, все-таки творческий ученый, превратился в гнусного слизняка, который даже вот в таких условиях не протянул руку помощи человеку, просящему буквально как нищий на паперти о подавании.

После этого, уже менее уверенный, что мне удастся собрать бумажки, которые ждал от меня следователь, я отправился к следующему товарищу тех лет, который в это время был заместителем директора филиала одного академического московского института в Ленинграде. Я пришел к нему. Он меня узнал. Я-то его не узнал. Ну, у меня, правда, плохая память на лица. Я говорю: «Здравствуй». Он: «Здравствуй. Садись». Понимаете, я не склонен к внешним проявлениям всяких эмоций, но думаю, что после 20 лет разлуки он мог бы мне руку пожать двумя руками, потрясти ее. Я уж не говорю — обнять меня со словами: «Ты вернулся с того света». Нст, этого не случилось. «Садись». Я сел. «Ну, как у тебя, все в порядке?». Я говорю: «Вот делается, все в порядке, и быстро делается, если ты мне поможешь». — «Чем я могу тебе помочь?» (Никаких вопросов: как я жил, что со мной было). Я говорю: «Мне нужна только бумажка от тебя, что ты меня знал до 37-го года и что я на тебя не покушался как террорист. Это, говорю, шутка, но если серьезно, то мне нужно то-то и то-то». — «Подожди». — «Хорошо, подожду». Поднимает трубку при мне, не стесняясь и говорит: «Валентин, это ты? Ну, как, кампания продолжается?». Очевидно, на другом конце провода знали о чем идет речь, потому что не было слов «кампания по реабилитации». По всей вероятности, там ответили, что да, продолжается. Он еще что-то спросил, потом повесил трубку и говорит: «Я тебе сейчас напишу». Думаю, что звонил он какому-то своему товарищу, работающему в райкоме или горкоме КПСС. Он мне написал, но на вкус это — трава. Вот еще один. По возрасту он-то выглядел бодро, а социально стал действительно винтиком и без указания райкома или людей «знающих» он и пальцем пошевелить не мог. Даже если на его глазах будут тонуть, он справится в райкоме, надо ли спасать и какими средствами. Вот это второй социально постаревший товарищ, которого я видел.

А вот третий оказался уже в Москве, в роли замминистра. Я попал к нему на прием. Секретарша — я не помню, назывались ли они тогда роскошным именем референтша — доложила ему что такой-то пришел. По телефону. Он переспросил: «Кто?» Она повторила фамилию, имя, отчество. Очевидно, он что-то сказал, потому что она взглянула на меня с некоторым интересом, которого вначале не было, и сказала: «Вас просили немного подождать, он сейчас занят, как только освободится, сразу вас примет». Минут через 20-30 (я не чувствовал времени, астрономического) он меня принял.

Я увидел развалину. Вот этот человек биологически постарел, хотя вряд ли был на 2-3 года старше, чем я. Он встал, с зауценной любезностью подошел, подал мне руку и на «вы» (остальные обращались ко мне на «ты», так, как мы обращались друг к другу до 37-го года) сказал: «Садитесь, пожалуйста». Я сел. «Ну освободились?». Я говорю: «Вот, да, но, вот, не совсем». Затем объясняю ситуацию, из-за которой я к нему пришел. Молчание. «Я думаю, что смогу вам помочь». — «Буду очень признателен. Понимаете, я кручусь, бегаю, сами понимаете, поскольку...» — «Да, да, я все понимаю. Я вам напишу. Ведь вы знаете, мне самому досталось». Я говорю: «А как? Вы тоже...» — «Нет. Вы знаете, я работал в ЦК КПСС. И вот прихожу однажды на работу, а мне говорят: «Ваш пропуск ликвидирован». Почему? Как? За что? — без объяснений. Шесть месяцев ходил я безработный и каждый день боялся, что приберут. Все приготовил. Не вышло. Через шесть месяцев сделали меня замминистра... Так что брат, я хлебнул! Желаю, чтобы все было в порядке! Бумагу я сейчас же напишу, завтра ее пошлют твоему следователю». — «Спасибо, — я растаял и говорю: — Благодарю!...».

Позже спросил у следователя, было ли такое письмо. Нет. Вот вам еще один тип, искаженный социальной историей. До 37-го года это был совсем не плохой парень. И биологически старея, он вовсе не был обязан стать такой сволочью. Как он все это передо мной разыграл...

Я обращался к одиннадцати бывшим моим товарищам. Четверо из них отказались что-либо написать. Потом они процветали.

Заключение... без конца

Еще осталось рассказать о многом: следствие (пытки), суд (издевательства), этап (одно из самых страшных и мерзких явлений в жизни ГУЛага), лагерь и война, женщины в лагере, владовцы, тайный лагерный суд (самозащита), штрафлагпункт, карцер и, наконец, может быть, самое трудное (хотя и радостное!) — возвращение. Но это лучше потом, когда-нибудь потом. Кто-то сказал: «Я не знал, что для тех, кто сражался, война никогда не кончается».

Заключение... без конца.

Хочу выразить глубочайшую признательность Леониду Аикинази, который побудил меня к написанию этих «очерков».

М. Г. ЯРОШЕВСКИЙ

В АМСТЕРДАМЕ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ТОМУ НАЗАД (ВСТРЕЧА С КАРЛОМ ПОППЕРОМ)

Летом 1967 г. меня включили в состав советской делегации на 3-й Международный конгресс по логике, методологии и философии науки. Конгресс должен был состояться в Амстердаме и я, до того никогда не бывавший за границей, с нетерпением ожидал поездки, которая, однако, вряд ли бы состоялась без решительного вмешательства Б. М. Кедрова. Дело в том, что в моей биографии имелось «темное пятно». В 1938 г. я был осужден военным трибуналом за участие в сочиненной НКВД контрреволюционной организации, якобы возглавляемой студентом Л. Н. Гумилевым. Ленинградский обком (я работал тогда в Ленинградском отделе ИИЕТ) задержал мое так называемое «выездное дело». Кедров связался с «инстанциями» и, выразив как директор Института и руководители делегации категорический протест, добился разрешения.

В состав делегации входил также известный логик А. А. Зиновьев. Когда мы пришли за билетами, то на имя Зиновьева такового не оказалось, но его заверили, что он полетит следующим рейсом, которого, конечно, не было. Из разговора с Зиновьевым я узнал, что подобное происходит с его командировкой не в первый раз. Он по неведомым для него обстоятельствам стал, как тогда говорили, «невыездным». Не сомневаюсь, что это была одна из причин, побудивших его эмигрировать. Пишу об этом, чтобы напомнить о той пагубной роли, которую играли партийно-кагебешные силы в «регуляции» международных контактов ученых. Полубная «регуляция» являлась неперенным компонентом того феномена, который я предлагал называть «репрессированной наукой».

Конгресс в Амстердаме открылся (после всяческих приветствий) докладом Карла Поппера об эпистемологии без познающего субъекта. В докладе Поппер впервые изложил на столь представительном научном форуме свою, ныне широко известную, концепцию «трех миров»: объективного знания, мира материальных объектов и особой сферы ментальных (психических) процессов. У некоторых участников конгресса (и, прежде всего, если мне память не изменяет, председательствующего Бар-Хиллела) сразу же возникли возражения по поводу попперовской схемы в связи с трактовкой этих миров в качестве независимых друг от друга. Поппера упрекали в том, что, хотя он и признает, что научное знание подвержено развитию, версия о его бессубъективности (в смысле независимости от генерирующей его личности) возвращает нас к платоновскому мифу о неземных идеях. После заседания я довольно бесцеремонно затеял разговор по этим вопросам с Поппером. Он внимательно выслушал возражения. Для меня особенно важно было обсудить вопрос о месте психологии в исследованиях науки. Дело в том, что я тогда написал для сборника нашего Института (предшественника «Вопросов истории естествознания и техники») статью под названием «Наука как предмет психологического исследования», против которой выступили некоторые уважаемые члены редколлегии, утверждая, что существует психология ученых, но нет психологии науки. Здесь, конечно, была семантическая проблема — требовалось договориться, что же мы понимаем под термином «наука»: знание, «окаменевшее» в текстах, или процесс изготовления этого знания на фабрике идей, называемой научным сообществом.

Поппер склонялся к антипсихологизму, который, на мой взгляд, столь же односторонен как и психологизм.

Именно против приверженцев последнего он и выступал, когда вспоминал, как один психолог на его глазах изучал научную деятельность, фиксируя эмоциональные реакции наблюдаемых им участников дискуссии на одном из симпозиумов, выявлял лидера и т.п., но когда Поппер спросил у него: «Какая проблема была подвергнута обсуждению этими учеными?», тот удивленно ответил вопросом на вопрос: «А какое это имеет значение?»

Конечно психолог, абстрагирующийся от предметного содержания науки, обречен на бесплодность своих выводов. Я пытался доказать, что возможен и другой, психологический подход. Мне, в частности, представлялось, что применительно к выдвинутому Поппером принципу фальсифицируемости могут быть разработаны психологические методы анализа дискуссий между учеными*.

Выступая в роли оппонентов, ученые реализуют функцию опровержения теорий в противовес тем ученым, которые в силу психологических причин (в частности, действия механизма психологической защиты) подбирают факты и аргументы, подтверждающие принятую ими теорию.

Не знаю, продолжилась бы наша беседа, если бы я не напомнил Попперу о прочитанной им в США лекции под оригинальным названием «Часы и облака». Эту метафору он избрал с целью сопоставить и проанализировать два различных типа объяснения детерминации явлений: во-первых, объяснение, ориентированное на обращение к механическим и дискретным причинам и, во-вторых, допускающее неопределенность и непредсказуемость результата детерминирующих влияний. «Каким образом вам стала известна эта моя лекция, ведь она издана малым тиражом?» — удивленно спросил Поппер, глядя на борт моего пиджака, где был приколот значок, из которого явствовало, что я прибыл из «закрытого общества». Я с гордостью ответил, что у нас хорошо известны его труды, умолчав, естественно, что его знаменитые социологические работы, содержащие критику марксизма и нашего общественного строя, бдительно оберегает спецхран, и с оттиском текста его американской лекции может ознакомиться каждый в нашей главной публичной библиотеке. Все это дало повод завести разговор о проблеме детерминизма, о смене форм каузального объяснения и о других «материях», по поводу которых я собирался выступать с докладом. Возможно, эти соображения заинтересовали Поппера. Ничем другим не могу объяснить то, что он почтил своим присутствием мой доклад на одной из секций. Демократизм, простота, прямо-таки детская непосредственность покоряли в этом великом мыслителе XX столетия. С совершенно незнакомым ему ни лично, ни по научным занятиям человеком, он говорил дружелюбно и откровенно. Причем не только на специальные научные темы. Неожиданно для меня Поппер заговорил о своем житье-бытье. (При этом перешел с английского на немецкий). «Вам вряд ли известно, — с улыбкой сказал он, — что в этом году мне исполнилось 65 лет. По этому поводу английский королевский двор присвоил мне звание пэра. И конечно, не за эзотерические философские труды, а за разруганное вами, марксистами, (хотя вы его вряд ли читали) «Открытое общество». Вручала регалии сама королева. И знаете, вместе с кем я его получал? С куда более известным, чем я, капитаном английской футбольной команды Боби Чарльтоном». Мне трудно было представить, как среди высшей блистательной английской знати будет заседать в палате лордов этот невысокого роста скромный и неприметный австрийский еврей с приветливыми и далекими глазами.

* В дальнейшем мы провели в ИИЕте обсуждение этой темы и опубликовали результаты в книге «Роль дискуссий в развитии естествознания», а автором этих строк было предложено понятие об «оппонентном круге» как детерминанте научного творчества.

Календарь юбилейных дат

275 лет

со дня рождения Жана Лерона Д'Аламбера (16.XI.1717—29.X.1783), французского математика, механика, философа-энциклопедиста, члена Французской АН с 1751 г., почетного члена Петербургской АН с 1764 г. Родился в Париже. Окончил Коллеж Мазарини, где изучал право. Математику изучил самостоятельно. В 1739 г. представил в Французскую АН работу о движении твердых тел в жидкости, а в 1740 — об интегральном исчислении. В «Трактате о динамике» (1743) впервые сформулированы общие правила составления дифференциальных уравнений движения любых материальных систем, причем задача динамики сводилась к задаче статики. В 1746 г. исследовал общие причины ветра, сводя их к влиянию Солнца и Луны на атмосферу Земли. В 1747 г. представил в АН мемуар о нарушениях эллиптического движения планет вокруг Солнца под влиянием их взаимного притяжения. Установил три основных принципа динамики: принцип инерции, принцип параллелограмма сил и принцип равновесия, известный как принцип Д'Аламбера. В своих работах по гидродинамике пытался применять одновременно и математику и эксперимент, став таким образом одним из основоположников прикладной механики. Дал объяснение вихреобразованию и явлению разреженности в жидкости в процессе движения в ней твердого тела.

В области математики основные работы относятся к теории дифференциальных уравнений. Его работы вместе с исследованиями Эйлера и Л. Бернулли послужили основой для математической физики. Впервые начал применять функции комплексного переменного при решении уравнений гидродинамики. Пытался обосновать исчисление бесконечно малых с помощью теории пределов. В 1748 г. предложил решение уравнения колебания струны в форме, зависящей от двух произвольных функций.

Вместе с Дидро предпринял в 1751 г. издание «Энциклопедии наук, искусств и ремесел». Написал для нее вступительную статью, где предложил систему классификации наук.

250 лет

со дня рождения Петра Борисовича Иноходцева (2.XII.1742—8.XI.1806), русского астронома, действительного члена Петербургской АН с 1779 г. и Российской академии с 1785 г. Провел большую работу по организации астрономической подготовки штурманов. В 1769 г. в г. Гурьеве наблюдал прохождение Венеры по диску Солнца. Определил географическую ши-

роту многих российских городов. Принимал участие в работах по соединению Волги с Доном и составлению словаря русского языка.

250 лет

со дня рождения Никола Леблана (6.XII.1742—16.I.1806), французского химика-технолога, изобретателя способа получения соды из поваренной соли путем перевода ее в глауберову с последующим прокаливанием с углем и мелом. О его жизни мало что известно. Работал врачом в Орлеане. В годы Великой французской революции был управляющим пороховыми и селитряными производствами Арсенала и занимал ряд выборных должностей в революционных органах. Разрабатывал различные способы получения неорганических соединений (селитры, сернокислого магния и т. п.). В 1791 г. получил патент на свой способ получения соды и вместе с управляющим имениями герцога Орлеанского построил завод по производству соды в Сен-Дени. После решения Конвента от 1794 г. о ликвидации действия патентов и ограничения производства соды попал в тяжелое материальное положение и в итоге покончил с собой.

250 лет

со дня рождения Карла Вильгельма Шееле (9.XII.1742—21.V.1786), шведского химика, члена Королевской шведской АН с 1775 г. Родился в Штральзунде в Германии. Химию изучал самостоятельно, работая в аптеках Гетеборга, Мальмё, Стокгольма, Упсалы, Чепина. Научные работы охватывают многие области химии. Был прекрасным экспериментатором. Открыл фтористый водород, предложил новый способ получения фосфора, выделил в свободном виде хлор, марганец и оксид бария. До конца жизни оставался сторонником теории флогистона и доказывал, что атмосферный воздух состоит из двух видов — «огненного» (кислорода) и «флогистированного» (азота). Провел множество других экспериментов. В его честь назван минерал шеелит.

200 лет

со дня рождения Николая Ивановича Лобачевского (1.XII.1792—24.II.1856), великого русского математика. Родился в Нижнем Новгороде, в 1811 г. окончил Казанский университет, после окончания университета продолжал в нем работать. С 1723 по 1725 г. — декан физико-математического факультета, с 1827 по